

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 276

31 октября 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 06 июля 2023 года (вх. № ... от 27 июля 2023 года) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Москвы 20 сентября 2023 года вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе Б. от 06 июля 2023 года (вх. № ... от 27 июля 2023 года):

в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Л. настаивал в 2018 году на том, чтобы его подзащитная Б. не читала постановление о ее привлечении в качестве обвиняемой и не знакомилась с заключениями экспертов; склонил в 2018 году Б. подписать процессуальные документы, включая протоколы процессуальных действий, не читая их и игнорируя их неполное заполнение; сообщил в 2018 году следователю информацию о допущенных в ходе производства по уголовному делу процессуальных нарушениях, ставшую ему известной от доверителя Б. в ходе конфиденциального общения с ней; дезинформировал в 2019 году Б., сообщив ей об отсутствии необходимости прикладывать к кассационной жалобе заверенные соответствующим судом копии обжалуемых судебных решений, принятых по уголовному делу; не явился в судебное заседание суда апелляционной инстанции 26 мая 2020 года по рассмотрению апелляционной жалобы Б. на постановление Московского городского суда от 02 апреля 2020 года о продлении срока содержания Б. под стражей, – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

в части доводов жалобы о том, что адвокат Л. в 2018 году заключил соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее поручение на осуществление защиты Б., используя свои личные связи со следователем Г., оказавшим психологическое воздействие на родителей Б.; с

2018 года и вплоть до 2023 года неоднократно давал родителям Б. обещания, что последняя «скоро будет дома», обманывая их и злоупотребляя их доверием с целью получения от них вознаграждения, не предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи; сообщал Б. информацию, ставшую ему известной в ходе оказания юридической помощи иным лицам; совершил преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Б., надлежащим образом извещенная о заседании Совета, в заседание не явилась, о наличии у нее представителя для участия в заседании не уведомила.

Адвокат Л., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил Совет о получении заключения Квалификационной комиссии и ознакомлении с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ... от 26 октября 2023 года).

Учитывая изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В период с 22 марта 2017 года по 12 марта 2018 года адвокат Л. неоднократно принимал участие в следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следователей СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в качестве защитника Б. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ.

29 марта 2018 года между доверителем И. и адвокатом Л. заключено Соглашение № 18 об оказании юридической помощи адвокатом по уголовному делу, предусматривающее поручение на осуществление защиты Б. в СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, а также в суде первой инстанции при рассмотрении дела по существу.

16 июля 2018 года Б. обратилась к следователю Г. с письменным заявлением об отказе от защитников, ранее назначенных ей в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, а также о том, что желает, чтобы ее защиту осуществлял адвокат Л.

11 июля 2018 года и 24 марта 2020 года составлены протоколы ознакомления защитника Б. – адвоката Л. с материалами уголовного дела № ...

02 апреля 2020 года Московским городским судом вынесено постановление о продлении срока содержания Б. под стражей, которое 26 мая 2020 года определением суда апелляционной инстанции оставлено без изменения.

17 апреля 2020 года Щ. районным судом города Москвы зарегистрировано уголовное дело № ... (... , ... , ...) в отношении Б., Бо., К., М., О., Ш., Ши. 26 января 2023 года по указанному уголовному делу вынесен приговор, которым Б. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ), ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, с назначением ей на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения назначенных наказаний, наказания в виде шестнадцати лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

09 февраля 2023 года этот приговор обжалован защитником Б. – адвокатом Л. в апелляционном порядке. 13 февраля 2023 года постановлением Щ. районного суда города Москвы апелляционная жалоба от 09 февраля 2023 года возвращена защитнику Б. – адвокату Л. для пересоставления. 08 июня 2023 года защитник Б. – адвокат Л. обратился в Щ. районный суд города Москвы с ходатайством о восстановлении срока, установленного Щ. районным судом города Москвы для пересоставления апелляционной жалобы. 01 августа 2023 года защитник Б. – адвокат Л. обратился в Щ. районный суд города Москвы с повторным ходатайством о том же. 01 августа 2023 года постановлением Щ. районного суда города Москвы защитнику Б. – адвокату Л. восстановлен срок обжалования приговора Щ. районного суда города Москвы от 26 января 2023 года. 24 сентября 2023 года Щ. районным судом города Москвы зарегистрирована апелляционная жалоба на приговор в отношении Б. и иных лиц, поданная защитником Б. – адвокатом Л., которая была направлена и поступила в суд апелляционной инстанции – Московский городской суд.

В жалобе заявителя Б. от 06 июля 2023 года (вх. № ... от 27 июля 2023 года) против адвоката Л. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения:

в действиях вопреки интересам доверителя, выразившихся в том, что адвокат Л.:

- настаивал в 2018 году на том, чтобы его подзащитная Б. не читала постановление о привлечении в качестве обвиняемой и не знакомилась с заключениями экспертов;

- склонил в 2018 году Б. подписать процессуальные документы, включая протоколы процессуальных действий, не читая их и игнорируя их неполное заполнение;

в нарушении пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что адвокат Л.:

- в 2018 году заключил соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее поручение на осуществление защиты Б., используя свои личные связи со следователем Г., оказавшим психологическое воздействие на родителей Б.;

- с 2018 года и вплоть до 2023 года неоднократно давал родителям Б. обещания, что последняя «скоро будет дома», обманывая их и злоупотребляя их доверием с целью получения от них вознаграждения, не предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи;

в несоблюдении адвокатской тайны, выразившемся в том, что адвокат Л.:

- сообщил в 2018 году следователю информацию о допущенных в ходе производства по уголовному делу процессуальных нарушениях, ставшую ему известной от доверителя Б. в ходе конфиденциального общения с ней;

- сообщал Б. информацию, ставшую ему известной в ходе оказания юридической помощи иным лицам;

в оказании неквалифицированной юридической помощи и самоустранении от ее оказания, выразившихся в том, что адвокат Л.:

- дезинформировал в 2019 году Б., сообщив ей об отсутствии необходимости прикладывать к кассационной жалобе заверенные соответствующим судом копии обжалуемых судебных решений, принятых по уголовному делу, что привело к возвращению ее кассационной жалобы на постановление Щ. районного суда города Москвы от 17 июля 2019 года и пропуску срока подачи кассационной жалобы;

- не указывал на нарушения закона, допущенные в ходе производства по уголовному делу, не обсуждал с Б. позицию по делу, имитируя ее защиту;

- не направил с целью оказания юридической помощи Б. адвокатские запросы «в А. (в 2018 году)», «в СИЗО о предоставлении справки <...> (в 2020-2022 годы)», «в ГУ МВД России по городу Москве (в 2022-2023 годы)», ссылаясь при этом в нарушение пп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката на свою профессиональную занятость;

- на протяжении шести лет не был знаком с материалами уголовного дела и не располагал информацией о допущенных в ходе производства по нему нарушениях закона;

- не обращался в порядке ст. 124, 125 УПК РФ к прокурору и в суд с жалобами на нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе производства по уголовному делу;

- игнорировал «волокиту», допущенную в ходе производства по уголовному делу;

- не явился 26 мая 2020 года в судебное заседание суда апелляционной инстанции по рассмотрению апелляционной жалобы Б. на постановление Московского городского суда от 02 апреля 2020 года о продлении срока содержания Б. под стражей;

- недостаточно часто посещал Б. в следственном изоляторе, не готовил ее на стадии судебного разбирательства к даче показаний, а также к прениям сторон;

- ставя свои интересы выше интересов доверителей, в судебном заседании Щ. районного суда города Москвы 21 июля 2022 года «прервал» по своему ходатайству допрос Б., мотивировав это необходимостью «срочно ехать в аэропорт» в связи с начавшимся отпуском;

- не подал апелляционную жалобу на обвинительный приговор Щ. районного суда города Москвы от 26 января 2023 года, вынесенный по уголовному делу № ... в отношении Б. и иных лиц, несмотря на непризнание Б. своей вины.

Кроме того, в жалобе Б. содержатся доводы о совершении адвокатом Л. преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Адвокат Л. данные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, указывая, что каких-либо нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, им не допущено. Ознакомление Б. с материалами дела проводилось последовательно, составлялся протокол ознакомления, в котором расписывались все участвующие в процессуальном действии лица. Протоколы процессуальных действий были оформлены надлежащим образом, в связи с чем никаких замечаний по поводу их составления со стороны адвоката Л. и Б. не поступало. Заключение соглашения об оказании юридической помощи в интересах Б. было обусловлено обращением к нему ее родственников, поскольку ранее он уже участвовал в этом деле по назначению и был знаком с материалами уголовного дела. Защита Б. осуществлялась им с соблюдением норм профессиональной этики адвоката. Б. «постоянно разъяснялись права, и обсуждалась линия защиты, обжаловались постановления суда (продления срока содержания под стражей и т.п.)». Адвокат Л. на протяжении длительного времени осуществлял посещение Б. в следственном изоляторе. Доводы Б. о необжаловании адвокатом Л. приговора суда в апелляционном порядке не соответствуют действительности, поскольку им были предприняты все необходимые меры, направленные на сохранение законных прав и интересов Б., в частности, для восстановления пропущенного по уважительным причинам процессуального срока и подачи апелляционной жалобы. Об этих действиях адвоката Л. его доверитель Б. была проинформирована. Адвокат Л. полагает, что жалоба на него подана Б. по надуманным доводам «с целью изменения своей линии защиты».

Переходя к анализу дисциплинарных обвинений, Совет, прежде всего, обращает внимание заявителя Б. на то, что в соответствии с пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, жалоба признается допустимыми поводом к возбуждению дисциплинарного производства, если она подана в письменной форме, и в ней указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса,

обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Кроме того, согласно пп. 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Квалификационной комиссией.

Указанный в п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката двухлетний срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности не подлежит перерыву, приостановлению, а также восстановлению и исчисляется с момента совершения нарушения или его прекращения (пресечения) в том случае, если оно носит длящийся характер.

Как правильно указано в заключении Квалификационной комиссии, из содержания жалобы заявителя Б. следует, что предметом ряда дисциплинарных обвинений являются предполагаемые действия (бездействие) адвоката Л., которые, по мнению заявителя, были совершены им в период с 2018 года по 2020 год и не носили длящегося характера. На дату возбуждения настоящего дисциплинарного производства – 24 августа 2023 года, равно как и на дату поступления жалобы заявителя в Адвокатскую палату города Москвы – 27 июля 2023 года, двухлетний срок применения к адвокату Л. мер дисциплинарной ответственности в части соответствующих доводов жалобы заявителя истек.

По этой причине Совет, соглашаясь с заключением Квалификационной комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Л.: настаивал в 2018 году на том, чтобы его подзащитная Б. не читала постановление о ее привлечении в качестве обвиняемой и не знакомилась с заключениями экспертов; склонил в 2018 году Б. подписать процессуальные документы, включая протоколы процессуальных действий, не читая их и игнорируя их неполное заполнение; сообщил в 2018 году следователю информацию о допущенных в ходе производства по уголовному делу процессуальных нарушениях, ставшую ему известной от доверителя Б. в ходе конфиденциального общения с ней; дезинформировал в 2019 году Б., сообщив ей об отсутствии необходимости прикладывать к кассационной жалобе заверенные соответствующим судом копии обжалуемых судебных решений, принятых по уголовному делу; не явился в судебное заседание суда апелляционной инстанции 26 мая 2020 года по рассмотрению апелляционной жалобы Б. на постановление Московского городского суда от 02 апреля 2020 года о продлении срока содержания Б. под стражей, – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Не могут быть в настоящем дисциплинарном производстве рассмотрены по существу и дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Л.:

в 2018 году заключил соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее поручение на осуществление защиты Б., используя свои личные связи со следователем Г., оказавшим психологическое воздействие на родителей Б.;

с 2018 года и вплоть до 2023 года неоднократно давал родителям Б. обещания, что последняя «скоро будет дома», обманывая их и злоупотребляя их доверием с целью получения от них вознаграждения, не предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи;

сообщал Б. информацию, ставшую ему известной в ходе оказания юридической помощи иным лицам.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что основанием для оказания адвокатом Л. юридической помощи доверителю Б. являлось Соглашение об оказании юридической помощи адвокатом по уголовному делу от 29 марта 2018 года № 18, заключенное между адвокатом Л. и И. в пользу третьего лица – Б. Таким образом, заявитель Б. не являлась стороной договорных отношений с адвокатом Л., поскольку соглашение об оказании ей юридической помощи было заключено ее родителями, ими же осуществлялась выплата адвокату Л. вознаграждения. Исходя из доводов жалобы, именно ее родителям адвокат Л. давал обещания положительного результата оказания юридической помощи.

При таких обстоятельствах претензии к профессиональному поведению адвоката в связи с заключением соглашения об оказании юридической помощи и выплатой по нему вознаграждения, а также в связи с формализацией этих правоотношений вправе формулировать только доверитель, являющийся их участником, то есть заключивший соглашение об оказании юридической помощи.

Следовательно, заявитель Б., которая соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом Л. не заключала, вознаграждение ему не выплачивала, выразила письменное согласие на осуществление ее защиты адвокатом Л., с заявлениями об отказе от защитника Л. в адрес следователя или суда не обращалась, не вправе выдвигать указанные дисциплинарные обвинения. При этом И., заключившая с адвокатом Л. соглашение об оказании юридической помощи в интересах Б., с жалобой на его действия (бездействие) в Адвокатскую палату города Москвы не обращалась.

В связи с этим Совет, соглашаясь с заключением Квалификационной комиссии, не усматривает допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов заявителя Б. о противоречащих нормам профессиональной этики способах привлечения адвокатом Л. И. в качестве доверителя, заключившего с ним соглашение об оказании юридической помощи Б., и получения вознаграждения.

Отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства и в части довода заявителя Б. о том, что адвокат Л. сообщал ей информацию, ставшую ему известной в ходе оказания юридической помощи иным лицам, поскольку никакие «иные лица» с жалобами на адвоката Л. не обращались, а согласно п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката

адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Следовательно, дисциплинарное обвинение в несоблюдении адвокатом Л. адвокатской тайны, доверенной ему иными лицами, может быть предъявлена только соответствующими доверителями.

Кроме того, ни одно из вышеуказанных дисциплинарных обвинений ссылками на конкретные доказательства не подтверждено.

При таких обстоятельствах, Совет, соглашаясь с заключением Квалификационной комиссии, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части вышеуказанных доводов жалобы заявителя Б. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

По этому же основанию подлежит прекращению дисциплинарное производство в части доводов заявителя Б. о совершении адвокатом Л. действий, содержащих «состав мошенничества», то есть преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

Переходя к рассмотрению остальных дисциплинарных обвинений, а именно в оказании адвокатом Л. неквалифицированной юридической помощи и в его самоустранении от ее оказания, Совет отмечает, что при рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, дисциплинарные органы адвокатского сообщества исходят из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя, который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Применительно к настоящему разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката Л. возложена на заявителя Б.

При этом ссылки заявителя Б. на то, что адвокат Л. не указывал на нарушения закона, допущенные в ходе производства по уголовному делу, не

обсуждал с Б. позицию по делу, имитируя ее защиту, какими-либо доказательствами не подтверждены. В жалобе не приводятся сведений о том, на какие именно нарушения адвокат Л. в ходе осуществления ее защиты обязан был указать, но не сделал этого. Адвокат Л. в ходе дисциплинарного разбирательства последовательно отрицал указанные дисциплинарные обвинения, ссылаясь на то, что он разъяснял Б. ее права, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и УПК РФ, проверял их соблюдение, а также согласовал с Б. ее позицию по делу.

Столь же неконкретны и утверждения заявителя Б. о том, что адвокат Л. не подал адвокатские запросы «в А. (в 2018 году)»; «в СИЗО о предоставлении справки <...> (в 2020-2022 годы)» и «в ГУ МВД России по городу Москве (в 2022-2023 годы)». В жалобе не приводятся сведения о том, по каким вопросам адвокат Л. должен был, по мнению заявителя Б., обратиться с адвокатскими запросами в указанные организации с целью получения сведений, необходимых для оказания ей квалифицированной юридической помощи.

Довод заявителя об уклонении адвоката Л. от исполнения ее поручений со ссылками на профессиональную занятость, в том числе и по причине несоблюдения запрета, предусмотренного пп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, не конкретизирован и какими-либо доказательствами не подтвержден.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Л., по крайней мере, дважды, а именно 11 июля 2018 года и 24 марта 2020 года, ознакомился с материалами уголовного дела в порядке, установленном ст. 217 УПК РФ. При этом в протоколах ознакомления защитника Б. – адвоката Л. с материалами уголовного дела указано как на совместное, так и на отдельное ознакомление с ними адвоката Л. и обвиняемой Б. Кроме того, адвокат Л. указал на то, что уголовное дело неоднократно возвращалось Прокурору Н. административного округа города Москвы в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, а последним, в свою очередь, следователю СЧ СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в связи с чем на продолжительность ознакомления с материалами уголовного дела в каждом случае влияла полная или частичная осведомленность адвоката Л. об их содержании. Во всех случаях с материалами указанного уголовного дела он был знаком. Заявитель Б., со своей стороны, не указывает в жалобе, с какими именно материалами уголовного дела адвокат Л. не ознакомился.

Не содержится в жалобе заявителя Б. и сведений о том, с какими именно жалобами в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ адвокат Л. должен был, по ее мнению, обратиться и по каким основаниям.

Мнение заявителя Б. о «волкителе», допущенной при производстве по уголовному делу, не может являться основанием для оценки качества юридической помощи, оказанной ей адвокатом Л. В жалобе не указываются конкретные обстоятельства, с которыми она связывает несоблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, что лишает Совет возможности сформулировать вывод о необходимости процессуального

реагирования адвоката Л. на них. При этом продолжительность производства по уголовному делу не определяется защитником.

Не дают оснований для вывода о дисциплинарном проступке адвоката Л. и доводы жалобы о том, что он недостаточно часто посещал Б. в следственном изоляторе, не готовил ее на стадии судебного разбирательства к даче показаний, а также к прениям сторон. Эти доводы также неконкретны и не подтверждены доказательствами.

Адвокат Л. указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицает, ссылаясь на то, что на протяжении длительного времени осуществлял регулярное посещение Б. в следственном изоляторе, в том числе и перед ее допросом, а также на то, что неоднократно предоставлял Б. «копии материалов уголовного дела, федеральные законы, кодексы и т.п.». Адвокат Л. также указывает, что давал Б. рекомендации по подготовке к судебным прениям.

Кроме того, необходимые периодичность и продолжительность конфиденциального общения определяются адвокатом по согласованию с доверителем в каждом случае, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела. Доказательств уклонения адвоката Л. от оказания юридической помощи заявителю Б. в материалах дисциплинарного производства не содержится.

В случае если Б. считала оказываемую адвокатом Л. юридическую помощь недостаточной, она не была лишена возможности ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для конфиденциального общения со своим защитником, согласования с ним позиции по делу, а также для ознакомления с материалами уголовного дела, с которыми она не имела возможности ознакомиться в условиях следственного изолятора.

Из протокола судебного заседания от 21 июля 2022 года не усматривается подтверждений довода жалобы о том, что адвокатом Л. не были поддержаны какие-либо заявления или ходатайства Б., в том числе в ходе дачи ею показаний, равно как и подтверждений иного уклонения адвоката Л. от оказания ей юридической помощи.

Общая неконкретность вышеперечисленных дисциплинарных обвинений, а также их неподтвержденность какими-либо доказательствами исключают возможность опровержения презумпции добросовестности адвоката Л.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами для адвоката при этом служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Самостоятельное и независимое

толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Л., поставив свои интересы выше интересов доверителя Б., в судебном заседании 21 июля 2022 года «прервал» по своему ходатайству ее допрос, убыв в отпуск.

Из протокола указанного судебного заседания следует, что допрос Б. был окончен, поскольку на л. 155 вышеуказанного протокола указано: «иных вопросов к подсудимой не поступило». Вопреки доводу заявителя, судебное заседание в этот день было отложено по ходатайству не адвоката Л., а другого защитника – адвоката К., которое и было удовлетворено судом с назначением судебного заседания на 11 августа 2022 года, поскольку адвокату К. требовалось время для подготовки к прениям.

Проверяя довод заявителя Б. о необжаловании адвокатом Л. приговора в отношении нее, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат-защитник обязан обжаловать приговор: по просьбе подзащитного; если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам. Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Как указано выше, адвокат Л. 09 февраля 2023 года подал апелляционную жалобу на приговор Щ. районного суда города Москвы от 26 января 2023 года. 13 февраля 2023 года постановлением Щ. районного суда города Москвы апелляционная жалоба от 09 февраля 2023 года была возвращена адвокату Л. для пересоставления. Адвокат Л. не отрицал, что пропустил установленный судом срок для пересоставления апелляционной жалобы, однако ссылаясь на невручение ему копии обжалуемого приговора, а также на уважительность причины пропуска данного срока.

При этом адвокат Л. неоднократно, в том числе и до поступления в Адвокатскую палату города Москвы жалобы Б., обращался в Щ. районный суд города Москвы с письменными ходатайствами о восстановлении срока, установленного судом для пересоставления апелляционной жалобы, а именно 08 июня 2023 года и 01 августа 2023 года. Доказательств, опровергающих объяснения адвоката Л. о длительном невручении ему копии приговора, не имеется.

Постановлением Щ. районного суда города Москвы от 01 августа 2023 года причина пропуска адвокатом Л. срока на апелляционное обжалование приговора Щ. районного суда города Москвы от 26 января 2023 года признана уважительной, а пропущенный процессуальный срок восстановлен. 24 августа 2023 года указанным судом зарегистрирована его апелляционная жалоба на приговор в отношении Б. Эта жалоба находится в материалах уголовного дела, что подтверждается письмом судьи девятого судебного

состава судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда Ла. от 07 сентября 2023 года.

Таким образом, приговор в отношении Б. был обжалован адвокатом Л. в апелляционном порядке, а дисциплинарное обвинение в нарушении им положений п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката подтверждения не нашло.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в части перечисленных дисциплинарных обвинений в некачественном оказании Б. юридической помощи неопровергнутой.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2, 6, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе Б. от 06 июля 2023 года (вх. № ... от 27 июля 2023 года):

в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Л. настаивал в 2018 году на том, чтобы его подзащитная Б. не читала постановление о ее привлечении в качестве обвиняемой и не знакомилась с заключениями экспертов; склонил в 2018 году Б. подписать процессуальные документы, включая протоколы процессуальных действий, не читая их и игнорируя их неполное заполнение; сообщил в 2018 году следователю информацию о допущенных в ходе производства по уголовному делу процессуальных нарушениях, ставшую ему известной от доверителя Б. в ходе конфиденциального общения с ней; дезинформировал в 2019 году Б., сообщив ей об отсутствии необходимости прикладывать к кассационной жалобе заверенные соответствующим судом копии обжалуемых судебных решений, принятых по уголовному делу; не явился в судебное заседание суда апелляционной инстанции 26 мая 2020 года по рассмотрению апелляционной жалобы Б. на постановление Московского городского суда от 02 апреля 2020 года о продлении срока содержания Б. под стражей, – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

в части доводов жалобы о том, что адвокат Л. в 2018 году заключил соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее поручение на осуществление защиты Б., используя личные связи со следователем Г., оказавшим психологическое воздействие на родителей Б.; с 2018 года и вплоть до 2023 года неоднократно давал родителям Б. обещания, что последняя «скоро будет дома», обманывая их и злоупотребляя их доверием с целью получения от них вознаграждения, не предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи; сообщал Б. информацию,

ставшую ему известной в ходе оказания юридической помощи иным лицам; совершил преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков